

Ч и т а й т е в с е р и и

Дж. М. Кутзее
Детство Иисуса

Дж. М. Кутзее
Сцены из провинциальной жизни

Р. Флэнаган
Узкая дорога на дальний север

Т. Моррисон
Возлюбленная

Р. Флэнаган
Смерть речного лоцмана

Дж. М. Кутзее
Медленный человек

Дж. М.
Кутзее

Медленный
человек

Москва
2016

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44
К95

J.M. Coetzee

SLOW MAN

© J.M.Coetzee, 2005

All rights are reserved by the Proprietor throughout the world
By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc.

Перевод с английского *Е. Фрадкиной*

Оформление серии: *К. А. Терина, А. Г. Сауков*

Иллюстрация на суперобложке: *В. Еклерис*

Кутзее, Джон Максвелл.

К95 Медленный человек / Дж. М. Кутзее ; [пер. с англ. Е. З. Фрадкиной]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-699-89726-1

Пол Реймент, герой романа, на полной скорости летящий по жизни и берущий от нее по максимуму, внезапно на одном из поворотов судьбы превращается из «человека-ракеты» в «человека-улитку», которого медленно затягивают в себя зыбучие пески одиночества. И лишь любовь, спасительная соломинка, способна не дать ему навсегда расстаться с миром живых людей. Вот только цена этой любви бывает чересчур высока...

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-699-89726-1

© Фрадкина Е.,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Удар обрушивается на него справа, резкий, внезапный и болезненный, как удар током, и сбрасывает его с велосипеда.

«Расслабься!» — говорит он себе, пролетая в воздухе (пролетая в воздухе с величайшей легкостью!), и он действительно чувствует, как конечности его послушно расслабляются.

«Как кошка, — говорит он себе, — крутись, потом вскочи на ноги, готовый к тому, что последует».

Необычное слово «податливый» уже появилось на горизонте.

Однако все выходит не совсем так. То ли оттого, что его не слушаются ноги, то ли оттого, что он оглушен (он скорее слышит, нежели чувствует удар своего черепа об асфальт — отдаленный, деревянный, словно звук колотушки), он не вскакивает на ноги, а все скользит и скользит, метр за метром, пока его не убаюкивает это скольжение.

Он спокойно лежит вытянувшись. Какое великолепное утро! Прикосновение солнышка такое ласковое! Бывают вещи и похуже, нежели просто

вот так расслабиться, поджидая, пока к тебе вернутся силы. Действительно, не так уж и страшно немного соснуть. Он прикрывает глаза. Мир под ним накреняется и кружится; он отключается.

На короткое время к нему возвращается сознание. Тело, которое так легко плыло по воздуху, становится тяжелым, таким тяжелым, что он ни за что на свете не сможет пошевелить пальцем. И кто-то навис над ним, перекрывая кислород, — юнец с волосами, как проволока, и крапинками вдоль линии волос.

«Мой велосипед», — говорит он ему, по слогам произнося это трудное слово.

Он хочет спросить, что с его велосипедом, позаботились ли о нем, — ведь хорошо известно, что велосипед может исчезнуть в мгновение ока. Но, не успев произнести эти слова, он вновь теряет сознание.

Глава 2

Он раскачивается из стороны в сторону — его куда-то везут. Издалека доносятся голоса — гул, который то усиливается, то затихает, повинувшись своему собственному ритму. Что происходит? Если бы приоткрыть глаза, он бы это узнал. Но пока что он не может. Что-то до него доходит. По одной букве — шелк, шелк, шелк — сообщение печатается на розовом экране, который дрожит, как вода, каждый раз, когда он моргает, и поэтому подобен внутренней стороне его собственного века. «Е-Н-И-Е», говорят эти буквы, затем «Ф-Р-И-В-О-Л», затем дрожание, потом «Е» и «Н-Е-Н-И-Е» и так далее.

«Фривол». Его охватывает паника. Он извивается; в пещере внутри него нарастает стон и вырывается из горла.

— Сильно болит? — спрашивает голос. — Не шевелитесь.

Укол иглы. Спустя минуту исчезает боль, потом проходит паника, и, наконец, отключается сознание.

Он просыпается в коконе мертвого воздуха. Пытается сесть, но безуспешно. Вокруг — сплош-

ная белизна: белый потолок, белые простыни, белый свет; зернистая белизна, подобная засохшей зубной пасте, кажется, покрыла и его мозг, так что он плохо соображает. Он приходит в отчаяние.

«Что это такое?» — произносит он, возможно, даже кричит, подразумевая: «Что это со мной делают?», или «Где это я очутился?», или даже «Что это со мной приключилось?»

Из ниоткуда появляется молодая женщина в белом, останавливается и бдительно всматривается в него. Он пытается сотворить вопрос из путаницы в голове. Слишком поздно! Улыбнувшись и похлопав его по руке, чтобы успокоить, — он каким-то странным образом скорее слышит, нежели ощущает этот жест, — она уходит.

Это серьезно? Если времени хватит всего на один вопрос, то он должен быть именно таким. Правда, лучше не вдумываться, что может означать слово «серьезно». Но еще настоятельнее, чем вопрос о серьезности, настоятельнее, чем затаившийся вопрос о том, что же произошло на Мэ-гилл-роуд, из-за чего он оказался в этом мертвом месте, — необходимость отыскать дорогу домой, закрыть за собой дверь, усесться в знакомой обстановке, прийти в себя.

Он пытается дотронуться до правой ноги — ноги, которая все время посылает неясные сигналы, что с ней что-то не так, но рука не шевелится, вообще ничего не шевелится.

Моя одежда. Может быть, задать этот невинный вопрос в качестве пробного камня?

«Где моя одежда? Где моя одежда и насколько серьезно мое положение?»

Молодая женщина снова wpłyвает в поле его зрения.

— Одежда, — произносит он с великим усилием, как можно выше приподняв брови в знак безотлагательности ответа.

— Не беспокойтесь, — отвечает молодая женщина и одаривает его еще одной улыбкой — прямо-таки ангельской улыбкой. — Все в порядке, обо всем позаботились. Через минуту будет доктор.

И в самом деле, не проходит и минуты, как рядом с женщиной материализуется молодой человек — видимо, тот самый доктор, о котором шла речь, — и что-то шепчет ей на ухо.

— Пол? — говорит молодой доктор. — Вы меня слышите? Правильно ли я произношу ваше имя? Вы — Пол Реймент?

— Да, — тщательно выговаривает он.

— Добрый день, Пол. Сейчас вы будете немного как в тумане, потому что вам ввели морфий. Скоро мы отправимся в операционную. Вы попали в катастрофу. Не знаю, все ли вы помните. Ваша нога сильно пострадала. Мы хотим взглянуть и решить, какую часть можно спасти. Спасти вашу ногу, — повторяет доктор. — Мы собираемся ампутировать, но обязательно спасем то, что можно.

Наверное, в эту минуту что-то случилось с его лицом: молодой доктор делает удивительную вещь — касается его щеки, и рука остается там, поглаживая голову пожилого человека. Такой жест

могла бы сделать женщина — женщина, которая кого-то любит. Это смущает его, но ему неудобно отстраниться.

— Вы мне доверитесь в этом вопросе? — осведомляется доктор.

Пол молча моргает.

— Хорошо. — Доктор делает паузу. — У нас нет выбора, Пол, — продолжает он. — Это не та ситуация, где есть выбор. Вы это понимаете? Вы даете свое согласие? Я не собираюсь просить вас расписываться на документе, но вы даете свое согласие, чтобы мы приступили? Мы спасем все, что можно, но вы сильно пострадали. Я не могу пока сказать, удастся ли нам сохранить, к примеру, колено. Оно очень покалечено, и большая берцовая кость тоже.

В эту минуту правая нога, как будто зная, что речь идет о ней, словно бы эти ужасные слова прервали ее беспокойный сон, посылает ему луч прерывистой белой боли. Он слышит собственное тяжелое дыхание, затем — биение крови в висках.

— Ладно, — говорит молодой человек и легонько треплет его по щеке. — Пора двигаться.

Он пробуждается в гораздо большем согласии с собой. Голова ясная, он снова стал прежним («На коне!» — думает он). Правда, его охватывает приятная сонливость, в любую минуту он может снова задремать. Такое ощущение, что пострадавшая нога стала огромной, прямо-таки слоновьей, — но она не болит.

Открывается дверь, и входит сестра — новое, свежее лицо.

— Чувствуете себя получше? — спрашивает она, потом поспешно добавляет: — Не пытайтесь пока что говорить. Скоро подойдет доктор Ханзен, чтобы побеседовать с вами. А пока нам нужно кое-что сделать. Могу ли я попросить вас немного расслабиться...

Он расслабляется, и тут становится ясно, что именно ей нужно сделать: ввести катетер. Как это мерзко — проделывать с человеком такое! Слава богу, этим занимается та, с кем он незнаком.

«Вот к чему это приводит! — укоряет он себя. — Вот что происходит, когда отвлечешься хоть на минуту! А велосипед — что с велосипедом? Как же мне теперь ездить за покупками? И зачем только я поехал по Мэгилл-роуд?»

И он прокликает Мэгилл-роуд, хотя на самом деле много лет ездил на велосипеде и ничего худого не случилось.

Появляется молодой доктор Ханзен и представляет краткий отчет, чтобы он был в курсе, а затем сообщает более конкретные новости о его ноге — некоторые из них хорошие, но есть и плохие.

Во-первых, относительно его состояния в целом, с учетом того, что может случиться и случается с человеческим телом, когда на него налетает автомобиль, идущий на большой скорости, — тут он может поздравить себя с тем, что нет ничего серьезного. Фактически тут полная противоположность серьезного, он может считать себя везучим,

счастливчиком, человеком, родившимся в рубашке. Да, при столкновении он получил сотрясение мозга, но его спас шлем на голове. Наблюдение будет продолжено, но нет никаких признаков черепно-мозговой травмы. Что до двигательных функций, то, по предварительным данным, они не нарушены. Он потерял некоторое количество крови, но это компенсировали. Если его удивляет, что одеревенела челюсть, то она не сломана, а лишь ушиблена. Ссадины на спине и на руке хоть и страшные на вид, но неопасные и заживут через пару недель.

А теперь о ноге — той, что приняла на себя удар. Ему, доктору Ханзену, и его коллегам, как оказалось, не удалось сохранить колено. Они всесторонне все обсудили и приняли единогласное решение. Удар — позже доктор покажет ему рентгеновский снимок — пришелся прямо в колено, а тут еще вдобавок вращение. Словом, сустав одновременно трясло и выкручивало. Будь он помоложе, они, возможно, решились бы на восстановление, но это потребовало бы целой серии операций, одна за другой, на что ушел бы год, а то и два. Надежда на успех — менее пятидесяти процентов, поэтому, учитывая его возраст, решили, что лучше всего ампутировать ногу выше колена, оставив кость достаточной длины — для протеза. Он, доктор Ханзен, надеется, что он, Пол Реймент, поймет мудрость этого решения.

— Я уверен, что у вас множество вопросов, — говорит доктор в заключение, — и я с радостью

попытаюсь ответить на них, но, быть может, не сейчас, а лучше утром, после того как вы немного поспите.

— Протез, — выговаривает Пол еще одно трудное слово. Правда, теперь, когда он в курсе дела насчет челюсти, которая не сломана, а лишь ушиблена, его уже не так смущают трудные слова.

— Протез. Искусственная конечность. Как только заживет хирургическая рана, мы подберем протез. Через четыре недели, а может быть, и раньше. Вы даже опомниться не успеете, как снова будете ходить. И ездить на своем велосипеде, если захотите. Немного потренировавшись. Еще вопросы?

Пол качает головой.

«Почему вы сначала не спросили меня?» — хочет он сказать.

Но если он произнесет эти слова, то потеряет самообладание и сорвется на крик.

— Значит, я побеседую с вами утром, — говорит доктор Ханзен. — Выше голову!

Однако это еще не все. Сначала насилие, затем согласие на насилие. Нужно подписать бумаги, прежде чем его оставят в покое, и эти бумаги оказываются удивительно трудными.

Например, семья. Кто члены вашей семьи, спрашивают бумаги, где они и каким образом следует их проинформировать? И страховка. Кто его страховщики? Какое страхование обеспечивает его страховой полис?

Страхование не проблема. Он застрахован на всю катушку, доказательством служит карточка

у него в бумажнике, уж его-то не назовешь непредусмотрительным, — но где его бумажник, где его одежда? С семьей сложнее. Кто его семья? Каков правильный ответ? У него есть сестра. Она скончалась двенадцать лет тому назад, но все еще живет в нем и с ним; точно так же у него есть мать, которая в то время, когда не в нем или не с ним, ожидает зова рожка ангела в своей могиле на кладбище в Балларате. Отец тоже пребывает в ожидании, правда, несколько дальше, на кладбище в Пау, откуда изредка наносит визиты. Являются ли они его семьей — эти трое?

«Те, в жизнь которых ты приходишь, родившись, не умирают, — хотелось бы ему проинформировать того, кто составил этот вопрос. — Ты носишь их с собой, как, надеюсь, тебя будут носить те, что придут после тебя».

Но на бланке нет места для пространных ответов.

Вот насчет чего он более уверен — это что у него нет ни жены, ни детей. Когда-то он, несомненно, был женат. Но его партнерша в этом предприятии больше не имеет к нему отношения. Она сбежала от него, сбежала безвозвратно. Он так пока и не понял, как ей удался этот трюк, но что есть, то есть: она сбежала в свою собственную жизнь. Поэтому с практической точки зрения, а тем более с точки зрения этого бланка он не женат: не женат, холост, одинок, один.

Семья: «НЕТ» — пишет он печатными буквами, а сестра подглядывает. Затем он ставит про-

черки против других вопросов и подписывает оба бланка.

— Дата? — спрашивает он у сестры.

— Второе июля, — отвечает она.

Он проставляет дату. С двигательными функциями все в порядке.

Таблетки, которые он принимает, должны приглушить боль и подействовать как снотворное, но он не засыпает. Это — странная кровать, голая комната, запах антисептика и (чуть-чуть) мочи, — все это явно не сон, а реальность, куда уж реальнее. И однако весь сегодняшний день — если это все еще тот же самый день, если время что-то означает — кажется сном. Несомненно, эта вещь, которую он сейчас в первый раз исследует под простыней, этот чудовищный предмет, спеленатый в белое и прикрепленный к его бедру, явился прямо из страны снов. А как насчет другой вещи — той вещи, о которой с таким энтузиазмом говорил молодой человек в безумно сверкающих очках? Когда же появится она? Никогда в жизни он не видел протеза. Он мысленно рисует картинку: деревянное древко с крючком, как у гарпуна, и резиновыми присосками на трех маленьких ножках. Что-то сюрреалистическое. Как у Дали.

Он протягивает руку (три пальца забинтованы вместе) и нажимает на этот предмет в белом. Он ничего не чувствует — как будто дотронулся до деревяшки.

«Всего лишь сон», — говорит он себе и проваливается в глубочайший сон.